

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЧАСТИ РЕЧИ

Теория
и
ТИПОЛОГИЯ

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Тир. шм. Котлякова. 4 — 7500000. 1984 г. ЛГ-087-01-589.
Цена 0 р. 58 к. за 1000 шм.

Москва
„НАУКА”
Главная редакция восточной литературы
1990

Ответственный редактор
В.М. АЛПАТОВ

А
sla
071
r
809

Утверждено к печати
Институтом востоковедения АН СССР

GW 9806

Ч25 **Части речи. Теория и типология.** – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 268 с.
ISBN 5-02-016423-2

Сборник объединяет исследования проблем, связанных с теоретическим описанием частей речи в языках различных типов (с привлечением нового эмпирического материала восточных языков). В статьях первой части затрагиваются вопросы общей теории и типологии частей речи, а во второй предлагаются описания систем частей речи в конкретных языках Азии, Африки и Океании.

Ч 4602000000-164
013(02)-90 КБ-8-80-90

ББК 81.2-2

ISBN 5-02-016423-2

© Главная редакция
восточной литературы
издательства „Наука”, 1990.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящей работе исследуется проблематика частей речи. Вопрос о частях речи встает и так или иначе решается при описании грамматики любого языка и, несомненно, имеет общелингвистическую значимость. Предлагаемые языковедами определения частей речи и критерии их выделения весьма многообразны. Существование различных позиций приводит многих ученых к скептическому отношению к самой проблеме. Тем не менее необходимость принятия той или иной точки зрения при описании конкретных языков требует разработки общей методики выделения частей речи. В то же время эта методика уточняется и в чем-то видоизменяется на основе расширения эмпирической базы. Если части речи европейских языков описаны достаточно подробно, то материал многих восточных языков изучен весьма слабо и поэтому сравнительно редко и ограничено привлекается в работах теоретического и типологического характера.

С учетом сказанного данное издание делится на две части: „Теория и типология частей речи” и „Части речи в восточных языках”. Основному содержанию сборника предпослан раздел, посвященный краткой истории описания частей речи (В.М. Алпатов), в котором выявляются и сопоставляются важнейшие подходы к выделению частей речи: морфологический, дистрибуционный, синтаксический, семантический, а также подход, основанный на моделировании индивидуального психологического механизма.

В первой части работы затрагиваются общие вопросы теории и типологии частей речи. В разделе „Принципы типологического описания частей речи” (В.М. Алпатов) дается некоторый общий подход, который разрабатывается в целях описания на основе единых критериев систем знаменательных частей речи в разнотипных языках. Выявляется возможность выделения частей речи в виде синтаксических и морфологических классов как различных, хотя и коррелирующих между собой, сущностей; предлагаются критерии для выделения синтаксических и морфологических классов лексики. Синтаксические классы,

„ПОСЛЕЛОГИ“ В НАВАХО: ПОТЕРЯ СТАТУСА ЧАСТИ РЕЧИ

Язык навахо (Navajo) относится к алапской группе атабаскской языковой семьи, которая, в свою очередь, входит в макро-семью на-дене. Индейцы навахо проживают в основном в большой резервации в штатах Аризона, Нью-Мексико и Юта. По числу носителей (около 100 тысяч человек) язык навахо занимает первое место среди автохтонных языков США и Канады. В настоящее время навахо является письменным языком. В статье используется стандартная навахская орфография, описанная, например, в работах [21; 22].

Для атабасканистики вообще и для исследований по навахо в частности выделение такой части речи, или класса слов, как „последологи“, традиционно. „Последологи“ являются в навахо основным средством „связывания глагола с его косвенным дополнением“ [18, с. 82]. Они нередко занимают в предложении синтаксическую позицию после тех именных групп, которые представляют собой, в этой терминологии, „косвенные дополнения“. В данной работе защищается точка зрения, согласно которой в настоящее время так называемые „последологи“ утрачивают (и уже почти полностью утратили) статус отдельной части речи и стали показателями семантических ролей аргументов глагола, входящими в состав глагольной словоформы, т.е. своего рода приглагольными падежными аффиксами. Процесс исчезновения одной части речи затрагивает другую часть речи – глагол, который приобретает некоторые новые свойства и увеличивает степень своего полисинтетизма.

Языковые факты могут не поддаваться жесткой таксономической интерпретации, при которой каждая языковая единица обязательно должна быть раз и навсегда зачислена в один и только один класс и может употребляться только в соответствии с правилами, раз и навсегда заданными для данного класса. Источником такой ситуации может служить не только недостаточная проницательность лингвиста – автора описания, и даже не только неадекватность современного понятийного аппарата, но и объективно нестабильный характер языковой системы,

которая все время изменяется и наряду с доминирующим типом употребления тех или иных языковых единиц может сохранять некоторые архаические употребления или допускать инновации, еще не получившие универсального распространения. В подобных случаях уместен не таксономический, а динамический подход, эксплицирующий существующие в языке тенденции функциональных сдвигов и их причины. В данном разделе предлагается для рассмотрения именно один из таких нестабильных фрагментов системы языка навахо, позволяющий проследить диахронический процесс изменения функционального статуса бывших „последологов“, почти завершившийся, но еще не приведший к полной грамматикализации нового статуса. В статье будет предпринята попытка показать, что данное изменение структуры частей речи, с одной стороны, не самопроизвольно, а мотивировано давлением некоторых базовых свойств строя навахо, а с другой стороны, оно имеет существенные последствия для интерпретации ряда фактов структуры этого языка.

1. Базовые грамматические характеристики навахо.

1.1. *Полисинтетическая структура глагольной словоформы.* Важнейшая структурная черта навахо – полисинтетизм глагола (≠ инкорпорация) [3, с. 106]. В языке с полисинтетическим глаголом семантический вклад глагольной словоформы в значение предложения значительно выше, чем в синтетическом языке, например, классического индоевропейского типа. Гораздо большее число типов значений выражается не лексически, а морфологически, причем именно в составе глагольной словоформы. Для целей данной работы наиболее важно то, что полисинтетический глагол имеет „полиперсонное спряжение“ и является слепком всей предикатно-аргументной структуры предложения. Согласно традиционной точке зрения, глагольная словоформа содержит местоименные элементы, маркирующие лицо и число „подлежащего“ и „прямого дополнения“ [21, с. 55–61; 18, с. 85–89]. Ниже будет показано, что полисинтетизм навахского глагола не ограничивается в отношении маркировки аргументов этими двумя местоименными показателями.

Глагольная словоформа в навахо состоит из корня, который занимает в ней крайнюю правую позицию, и набора префиксов, число которых зачастую может превышать 10 (включая значимые нулевые префиксы). Традиционно считается, что в основе навахской словоформы лежит жесткая последовательность морфологических позиций, каждой из которых соответствует класс префиксов, способных ее заполнять. Таких позиций выделяется от 10 [18] до 16 [22]. Не углубляясь в перечисление

морфологических позиций, в качестве примера рассмотрим структуру словоформы *shidin'keah* 'ты начинаешь меня нести' (счет позиций, вопреки атабасканистской традиции, ведется справа налево, от обязательных позиций к периферийным и необязательным):

(1) <i>shi</i> 6	- <i>di</i> 4	- <i>ni</i> 3	- <i>ni</i> 2	- <i>t</i> 1	- <i>teeh</i> 0
1ЕД „пря- мого до- полнения”	инцеп- тивный префикс	импер- фектив	2ЕД „подле- жащего”	агенти- визация	'(одуше- вленное су- щество) дви- жется'

1.2. Аккузативная маркировка ролевых отношений в предложении и синтаксическая нейтральность. Основным способом маркировки предикатно-аргументных отношений в предложении являются местоименные элементы в составе глагольной словоформы¹. Сами ИГ не содержат никаких морфологических показателей, сигнализирующих об их ролевых характеристиках; ср. примеры²:

(2) <i>gah</i>	<i>yilghot</i>		'Кролик бежит'
'кролик	он: бежит'		
(3) <i>ma'ii</i>	<i>gah</i>	<i>yishxash</i>	'Койот укусил кролика'
'койот;	кролик;	его; он; укусил'	
(4) <i>gah</i>	<i>t'óół</i>	<i>yideests'óół</i>	'Кролик дернул веревку'
'кролик;	веревка;	ее; он; дернул'	

С точки зрения маркировки ролей аргументов в глаголе всякий актанта одноместного глагола отождествляется с Агента (а также Экспериментером и т.п.) двухместного и противопоставляется Пациенту двухместного. Таким образом, в отношении маркировки ролевых отношений навахо использует аккузативную технику и формирует две гиперроли – Актор и Объект. Актор и Объект имеют свои морфологические позиции в глагольной словоформе (соответственно, № 2 либо № 5, и № 6), в которые вставляются местоимения, кореферентные Актору и Объекту, см. пример (1). Во всех известных автору работах по навахо – как общего характера, так и синтаксических – гиперролям Актора и Объекта приписываются статусы синтаксических отношений подлежащего и прямого дополнения (см., например, [10, 15]), однако для этого нет достаточных оснований.

Никакие синтаксические процессы в навахо не формулируются в терминах подлежащего и дополнения. Синтаксис навахо не йтрален по отношению к семантическим (гипер) ролям, что характерно для языков с ролевой доминанцией (см. [5, с. 123]). По-видимому, навахо представляет собой редкий пример языка, сочетающего ролевую доминанцию с аккузативной техникой маркировки ролевых отношений.

2. Посессивные имена и так называемые „последлоги”.

Наряду с префиксальным употреблением в глагольных позициях Актора и Объекта, в навахо представлены два других основных позиционных типа употребления местоимений – префиксальное употребление при посессивных именах и при „последлогах”.

Единственная словоизменительная категория навахского существительного – „склонение” по лицу-числу посессора. Теоретически всякое имя существительное может выступать с префигированным притяжательным местоимением; такое употребление имени называется „посессивным” употреблением или просто „посессивным именем” (possessed noun). Есть класс имен неотторжимой принадлежности (constantly possessed nouns), при которых посессор должен быть выражен обязательно. К этому классу относятся в первую очередь имена частей предметов, в том числе частей тела, термины родства, а также некоторые абстрактные имена. Притяжательные местоимения 1 и 2 лица употребляются в составе посессивных имен обычным образом, то есть дейктически. Для местоимения 3-го лица <bi> весьма частотной является синтаксическая модель употребления вида $X_i bi-Y$, где Y – посессивное имя, а X – контролер (антецедент) притяжательного местоимения. Примеры посессивных имен:

(5) а. <i>chidl</i>	<i>bi-jádd</i>	'колесо машины'
'машина	ее-нога'	
б. <i>shi - k'is</i>	<i>bi-yádzh</i>	'сын моего брата'
'мой-брат	его-сын'	

Структурно весьма сходны с посессивными именами так называемые „последлоги”. „Последлоги” выделялись как особая часть речи, или (в терминах некоторых авторов) как класс слов, во всех наиболее фундаментальных работах по грамматике навахо [21, с. 20; 16, с. 46–47; 18, с. 82; 22]. Формально всякое употребление „последлога” изоморфно употреблению имени неотторжимой принадлежности: состоит из корня и обязательно выражаемого префигированного местоименного элемента, аналогичного притяжательному местоимению в именах. Но

последлогами „последлоги“ являются не по отношению к этому элементу, а по отношению к полным ИГ, которые во многих случаях синтаксически непосредственно предшествуют „последлогам“ и мыслятся обычно синтаксическими контролерами этих последлогов (аналогично посессивным именам), так как кореферентны местоименным префиксам „последлогов“. По их отношению к именам-контролерам „последлоги“ уподобляются исследователями предлогам европейских языков (см., например, [21, с. 20; 8, с. 194]). В качестве „последлогов“ с непосредственно предшествующими ИГ-контролерами обычно приводятся примеры типа следующих:

(6) a. tsé	b-ee	(séthj)	'(Я убил его) камнем'
'камень;	его; посредством	его; я:убил'	
b. shik'is	bi-t	(naash'aash)	'(Я иду) с моим братом'
'мой: брат	ним-вместе с	я: иду'	

Исторически „последлоги“, по-видимому, восходят к абстрактным и локативным именам, обязательно требующим выражения посессора. Историческая связь „последлогов“ с именем подтверждается, в частности, тем, что только эти два класса единиц участвуют в архаической словообразовательной модели сложения двух корней, ср. tsin 'дерево' + ts'aa' 'корзина' → tsits'aa' 'деревянный ящик' и tsin 'дерево' + tah 'среди', 'между' → tsintah 'лес'.

Однако и синхронное сходство „последлогов“ с посессивными именами не является только формальным. В лексико-грамматической системе навахо, по-видимому, имеется континуальный переход следующего типа: 1) имена, не требующие обязательно выражения посессора; 2) имена неотторжимой принадлежности (обязательно выражающие посессор); 3) абстрактные и локативные имена (обязательно выражающие посессор); 4) „последлоги“. В левой части этой шкалы находятся: а) языковые единицы с наиболее предметным значением, типичные термы; б) лексически полностью самостоятельные единицы. По мере приближения к правому полюсу шкалы единицы теряют свойства предметности и лексической самостоятельности, приобретая все более абстрактные и релятивные значения. Примером условного класса 3 приведенной шкалы могут служить корень с абстрактным значением niighe 'цель', 'причина' и локативный корень ghi' 'внутренность', который может употребляться в качестве „последлога“, но также и в качестве самостоятельного имени. Хотя граница между „последлогами“ и классом 3 приведенной шкалы весьма размыта, собственно те единицы, которые именуются „последлогами“, в настоящее время практи-

чески потеряли свой статус синтагматически самостоятельных слов и парадигматически самостоятельного лексического класса. Ниже будут представлены аргументы в пользу последнего утверждения.

3. „Последлоги“: класс слов или падежные префиксы?

3.0. Типологические свойства предлогов и последлогов. В последнее время лингвистами многократно высказывалось и стало уже тривиальным утверждение, что такие поверхностные средства языка, как предлоги и последлоги при ИГ, служат цели маркирования ролевых (или, в терминах Ч. Филлмора, падежных) отношений, т.е. являются функциональными аналогами морфологически выраженных в имени падежных аффиксов (см., например, [3, с. 103–104; 2, с. 320–322], особенно [4, с. 391, 399]). Кроме того, предлоги и последлоги часто помещаются в более широкий типологический контекст средств маркирования ролевых отношений (case marking; см., например, [5, с. 75]), к которым, помимо морфологических падежей в имени, предлогов и последлогов, также относятся порядок слов и кореферентность аффиксы в глаголе. Таким образом, не требует доказательства тот факт, что последлоги, каков бы ни был их лексико-грамматический статус, являются ролевыми показателями. Столь же очевидно, что показатели ролей аргументов глагола семантически входят в глагол, а не в ИГ. Менее очевидно применительно к навахо утверждение, что так называемые „последлоги“ синтаксически, морфологически и фонетически связаны только с глаголом, а не с именными группами, являются во всех этих смыслах частью глагола, не образуют отдельной части речи и вообще ни в каком смысле не являются последлогами. Надо отметить, что в тех языках, где представлены классические предлоги и последлоги (русский, японский, турецкий), они характеризуются следующими свойствами, или – по крайней мере – тенденциями: а) с фонетической точки зрения, являются клитиками при именных группах и вступают с последними в различные морфонологические отношения (в частности, происходят процессы сандхи); б) с синтаксической точки зрения, входят вместе с именем, которым они синтаксически управляют, в одну синтаксическую составляющую; сами управляются каким-то вершинным словом, обычно глаголом.

Перейдем теперь к изложению аргументов в пользу префиксального (по отношению к глаголу), а не последложного статуса так называемых „последлогов“. Далее будет показано, что „последлоги“ линейно примыкают не к ИГ (3.1), а к глаголам (3.2), вступают с ними в фонетическое и морфологическое взаимодействие (3.3) и, таким образом, являются не последлогами, а

глагольными префиксами. В 3.4 будут продемонстрированы следы исторического процесса, так сказать, переинтерпретации „последлогов” в качестве глагольных падежных префиксов, а в 3.5 будет предложена окончательная трактовка рассматриваемого класса единиц.

3.1. *Отсутствие синтаксического контролера.* Выше уже говорилось, что, судя по термину „последлог”, для этого класса инвентарных единиц обычно признается исходным тот тип употребления, при котором „последлог” с местоименным личным маркером следует за ИГ-контролером [см. примеры (6)]; местоименный показатель, префигурируемый к „последлогу”, кореферентен ИГ-контролеру. Таким образом, значение ‘к дому’ передается структурой вида дом нему-к. Однако структуры такого типа встречаются реже, чем „последлоги”, употребленные без эксплицитно выраженной слева ИГ-контролера, т.е. ИГ, по отношению к которой „последлог” мог бы быть последлогом, отсутствует, а зачастую ее и вообще не может быть. В первую очередь нужно упомянуть о случаях употребления с местоимением 3-го лица „последлогов”, при которых синтаксического контролера непосредственно слева нет, так как местоимение употреблено несинтаксически, ср.:

- (7) а. *bich'i'* - *yásht'i'* 'Я говорю с ним'
'к:нему я:говорю'
б. *hastiin* *bich'i' - ánl* 'Мужчина сказал ему так'
'мужчина; к:нему; он; так:сказал'

Однако для интерпретации таких случаев можно постулировать непосредственно перед „последлогами” нулевые анафорические лексемы, которым и будут кореферентны местоимения 3-го лица. Несколько большие трудности создают употребления „последлогов” с местоимениями 1-го и 2-го лица:

- (8) *shaa- díf'ádt* 'Ты мне его дашь'
'ко:мне-его:ты:дашь'

Дело в том, что самостоятельные местоименные лексемы в навахо крайне малоупотребительны, а если и используются, то только в эмфатических контекстах. Но все же можно допустить, что следующая (эмфатическая) конструкция с синтаксическим контролером служит в качестве исходной для предложения (8):

- (9) *shí shaa- díf'ádt* 'Это мне ты его дашь'
'я ко:мне-его:ты:дашь'

Что касается „последлогов” с неопределенным и безличным местоимениями (которые по своей модели употребления аналогичны личным местоимениям), то здесь даже отсутствует возможность постулировать эксплицитный контролер, так как самостоятельных местоименных лексем с такой семантикой в

навахо вообще нет, ср. пример с неопределенным местоимением:

- (10) *'aa- díf'ádt* 'Ты кому-то его дашь'
'к:кому-то-его:ты дашь'

Неверно было бы также допустить возможность контроля со стороны полной ИГ над „последлогом”, включающим возвратное или взаимное местоимение: контроль осуществляется со стороны местоименного элемента в акторной позиции, ср.:

- (11) *'ádd- 'adishgí* 'Я убиваю на себе вшей'
'на:себе-кого-то:я:убиваю'
(12) *'algha-niit'á* 'Мы берем их друг у друга'
'друг:у:друга-их:мы:берем'

Очевидно, интерпретация всех этих примеров в качестве употреблений последлогов неудовлетворительна.

3.2. *Порядок слов.* Сильные аргументы в пользу отказа от традиционной интерпретации „последлогов” касаются линейного расположения составляющих в предложении. Дело в том, что даже когда ИГ-контролер может быть (т.е. когда местоимение при „последлоге” – 3-го лица), и она есть, „последлог” может к этой ИГ не примыкать, а отделяться от нее одним или несколькими промежуточными словами, синтаксически с ней не связанными.

- (13) *'ashkii cé'édǫ'ii baa-nát'í* 'Мальчику надоедали мухи'
'мальчик мухи ему-они:надоедали'
(14) *jáan yolghe naaltsoos bich'í' - áshtee*
'Джон; его; зовут письмо к:нему; я:так:делаю'
'Я пишу Джону письмо'
(15) *'ashkii 'at'ééd tíf ye-inlódz*
'мальчик девочка; лошадь; к:ней; он:ее:подвел'
'Мальчик подвел к девочке лошадь'
(16) *bíl jáan ninyáhlj'i bee-bit-hoolne*
Билл; [Джон идет куда]; об:этом-ему; ты:скажи'
'Скажи Биллу, куда идет Джон'

Между тем во всех этих примерах „последлоги”, оторванные от ИГ-контролеров, линейно примыкают к глаголу. Интересно, что в примере (16) при глаголе имеется два „последлога”, один из которых линейно отделен от своего „контролера”. Эти факты свидетельствуют о том, что сам термин „последлоги” применительно к навахо неуместен, так как единицы этого класса функционируют независимо от ИГ-контролеров даже при наличии последних, и линейно довольно жестко сопряжены с глаголом³. Х. Хойер, придерживавшийся последложной трактовки, пытался учесть синтаксические факты, говоря о „последлогах” как об отдельном классе слов и в то же время называя их „модификаторами глагола” [11].

последелогам „последелогии“ являются не по отношению к этому элементу, а по отношению к полным ИГ, которые во многих случаях синтаксически непосредственно предшествуют „последелогам“ и мыслятся обычно синтаксическими контролерами этих последелогов (аналогично посессивным именам), так как кореферентны местоименным префиксам „последелогов“. По их отношению к именам-контролерам „последелогии“ уподобляются исследователями предлогам европейских языков (см., например, [21, с. 20; 8, с. 194]). В качестве „последелогов“ с непосредственно предшествующими ИГ-контролерами обычно приводятся примеры типа следующих:

(6) a. tsé	b-ee	(séthj)	'(Я убил его) камнем'
'камень;	его;-посредством	его;- я:убил'	
b. shik'is	bi-t	(naash'aash)	'(Я иду) с моим братом'
'мой: брат	ним-вместе с	я: иду'	

Исторически „последелогии“, по-видимому, восходят к абстрактным и локативным именам, обязательно требующим выражения посессора. Историческая связь „последелогов“ с именем подтверждается, в частности, тем, что только эти два класса единиц участвуют в архаической словообразовательной модели сложения двух корней, ср. tsin 'дерево' + ts'aa' 'корзина' — tsits'aa' 'деревянный ящик' и tsin 'дерево' + tah 'среди', 'между' — tsintah 'лес'.

Однако и синхронное сходство „последелогов“ с посессивными именами не является только формальным. В лексико-грамматической системе навахо, по-видимому, имеется континуальный переход следующего типа: 1) имена, не требующие обязательно выражения посессора; 2) имена неотторжимой принадлежности (обязательно выражающие посессор); 3) абстрактные и локативные имена (обязательно выражающие посессор); 4) „последелогии“. В левой части этой шкалы находятся: а) языковые единицы с наиболее предметным значением, типичные термы; б) лексически полностью самостоятельные единицы. По мере приближения к правому полюсу шкалы единицы теряют свойства предметности и лексической самостоятельности, приобретая все более абстрактные и релятивные значения. Примером условного класса 3 приведенной шкалы могут служить корень с абстрактным значением *niighe* 'цель', 'причина' и локативный корень *ghi* 'внутренность', который может употребляться в качестве „последелого“, но также и в качестве самостоятельного имени. Хотя граница между „последелогамии“ и классом 3 приведенной шкалы весьма размыта, собственно те единицы, которые именуются „последелогамии“, в настоящее время практи-

чески потеряли свой статус синтагматически самостоятельных слов и парадигматически самостоятельного лексического класса. Ниже будут представлены аргументы в пользу последнего утверждения.

3. „Последелогии“: класс слов или падежные префиксы?

3.0. Типологические свойства предлогов и последелогов. В последнее время лингвистами многократно высказывалось и стало уже тривиальным утверждение, что такие поверхностные средства языка, как предлоги и последелогии при ИГ, служат цели маркирования ролевых (или, в терминах Ч. Филлмора, падежных) отношений, т.е. являются функциональными аналогами морфологически выраженных в имени падежных аффиксов (см., например, [3, с. 103–104; 2, с. 320–322], особенно [4, с. 391, 399]). Кроме того, предлоги и последелогии часто помещаются в более широкий типологический контекст средств маркирования ролевых отношений (case marking; см., например, [5, с. 75]), к которым, помимо морфологических падежей в имени, предлогов и последелогов, также относятся порядок слов и кореферентные аффиксы в глаголе. Таким образом, не требует доказательства тот факт, что последелогии, каковы бы ни были их лексико-грамматический статус, являются ролевыми показателями. Столь же очевидно, что показатели ролей аргументов глагола сема н т и ч е с к и в входят в глагол, а не в ИГ. Менее очевидно применительно к навахо утверждение, что так называемые „последелогии“ синтаксически, морфологически и фонетически связаны только с глаголом, а не с именными группами, являясь во всех этих смыслах частью глагола, не образуют отдельной части речи и вообще ни в каком смысле не являются последелогамии. Надо отметить, что в тех языках, где представлены классические предлоги и последелогии (русский, японский, турецкий), они характеризуются следующими свойствами, или – по крайней мере – тенденциями: а) с фонетической точки зрения, являются клитиками при именных группах и вступают с последними в различные морфонологические отношения (в частности, происходят процессы сандхи); б) с синтаксической точки зрения, входят вместе с именем, которым они синтаксически управляют, в одну синтаксическую составляющую; сами управляются каким-то вершинным словом, обычно глаголом.

Перейдем теперь к изложению аргументов в пользу префиксального (по отношению к глаголу), а не последеложного статуса так называемых „последелогов“. Далее будет показано, что „последелогии“ линейно примыкают не к ИГ (3.1), а к глаголам (3.2), вступают с ними в фонетическое и морфологическое взаимодействие (3.3) и, таким образом, являются не последелогамии, а

3.3. Формирование фонетического слова, явления сандхи и состав глагольной лексемы. „Послелог“, будучи практически всегда расположен в предложении непосредственно слева от глагольной словоформы (ср. подраздел 4), во всех письменных материалах по навахо (например, в сборнике текстов [17]) часто записываются „в одно слово“ со всей глагольной словоформой:

- (17) а. *bándádzíst'é* 'она их для него снова поджарила
 б. *t'dadoobeeciini'índa* 'ты совершенно для них бесполезна'

Безусловно, это означает, что „послелог“ входит с глагольной словоформой в одно фонетическое слово. Особенно регулярно такое слияние происходит, когда „послелог“ (вместе со своим местоименным показателем) составляет один слог. В некоторых случаях он вообще не может быть отдельным фонетическим словом, например, *haɪnɪ* 'ему-он-говорит'. Когда „послелог“ двусложный, он нередко записывается в текстах как отдельное слово, но не менее часто и слитно:

- (18) а. *bich'i' dahjoo'dát* 'к нему она движется'
 б. *bighi'hádjoona'* 'из-нутри него она выползла'
 в. *bicháá'k'ízhnɪgizh* 'от него она его отрезала'

Именно эта прогрессирующая тенденция втягивания „послелогов“ в состав глагольного фонетического слова побуждала одного из лучших знатоков навахо Х. Хойера говорить о „послелогах“ как о лексически самостоятельных единицах с некоторыми оговорками. Хойеру принадлежит парадоксальная формулировка, что „послелог... присоединяются в качестве проклитик к глаголу (курсив мой. – А.К.)“ [9, с. 366] (ср. также трактовку в другой работе Хойера [8, с. 194]).

Во многих случаях тенденция фонетического втягивания „послелогов“ в глагол достигает предела, вызывая процессы сандхи между „послелогом“ и более правой частью глагольной словоформы, например:

- (19) а. *bik'i+yidziid → bik'iidziid* 'над ним они разбрасываются'
 б. *baa+jinfyá → baazhnfyá* 'она подошла к нему'
 в. *haa+yind'á → haind'á* 'она ему его дала'

В этих примерах действуют следующие морфонологические процессы, которые могут происходить только внутри фонетического слова („+“ – символ морфемной границы):

- (19') а. *yi → i/V + _____*
 б. *ji → zh/CV + _____ +C*
 в. 1. = а.
 2. *Caa → Ca/ _____ i*

Х.Хойер в своей непоследовательной концепции пытался учесть подобные морфонологические факты следующим образом: „Хотя послелог могут рассматриваться как свободные формы... есть много случаев, когда послелог, особенно с вокалическим корнем, соединяются с последующим глаголом, что сопровождается изменениями как в послелого, так и в глаголе“ [18, с.83]. Представляется, что в этом вопросе нужна более ясная и определенная позиция.

Наконец, „послелог“ могут входить в морфологическую структуру глагольной лексемы. Несмотря на то, что Х. Хойер считал послелог лексическим классом, в своем словаре навахо [12] он вынужден был включать „послелог“ в состав многих глагольных лексем наряду с другими словообразовательными префиксами, ср. префиксальный комплекс основы S595.3 [14, с. 190]: *naa'-i-0-i-dzi-* (0 – позиция для вставления местоименного элемента), где „послеложный корень“ <i>e</i> занимает более близкую к глагольному корню позицию, чем два других словообразовательных префикса. Таким образом, морфонологические и морфологические факты свидетельствуют о принадлежности „послелогов“ глагольным лексемам, а употреблений „послелогов“ – глагольным словоформам.

Вряд ли плодотворным было бы обсуждение того, являются ли так называемые „послелог“ префиксами или проклитиками глагола. Важен тот факт, что они входят в состав фонетического и морфологического глагольного слова, то есть не являются отдельными словами и не формируют самостоятельную часть речи.

3.4. Функциональное сходство местоимения в составе „послелога“ с объектным местоимением. В навахо существует четыре позиционных типа употребления местоименных морфем: в позиции Актора в глаголе, в позиции Объекта, в составе „послелогов“ и в составе посессивных имен. Местоимения трех последних формальных типов идентичны или очень сходны между собой по своей форме и исторически происходят из одного источника (большинство акторных местоимений синхронно и исторически отлично от всех остальных местоимений). Совершенно идентичны в объектном, „послеложном“ и притяжательном употреблении все местоимения 1-го и 2-го лица, местоимение так называемого 4-го лица (дискурсивная разновидность местоимения 3-го лица), неопределенное и безличное местоимения, а также, с некоторым приближением, взаимное местоимение. Оставшиеся два местоимения (3-го лица и возвратное) обнаруживают существенные различия между объектным и „послеложным“ типами употребления, с одной стороны, и притяжательным – с другой.

Возвратное местоимение в притяжательном употреблении вообще не встречается. Оно может кодировать только аргументы глагола, ср. возвратное местоимение в объектном (а, б) и „последложном” (в, г) употреблении:

- (20) а. *tá-á-dá-di-doogis* 'они себя помогают'
 б. *tá-á-d-ohgis* 'вы себя моете'
 в. *'ád-á-'adisgá* 'я убиваю на себе кого-то (вшей)'
 г. *'á-k'i-dideesht'ádá* 'я надеваю ее (шляпу) на себя'

Возвратное местоимение в объектном употреблении является разрывной морфемой <á...di>, две части которой помещаются в разные морфологические позиции. Очень часто, когда между <á> и <di> нет никакой промежуточной морфемы, а последующая морфема начинается с гласной, возвратное местоимение имеет фонемную форму /áá/ (20б). При этом морфологическая форма возвратного местоимения в „последложном” употреблении <áá> (перед согласной имеет фонемную форму /á/, ср. (20г)). Очевидно, что наиболее частотный алломорф объектного местоимения был вторично распространен на „последложное” употребление в составе „последлогов”. Таким образом, синхронная модель употребления возвратного местоимения несет следы ныне уже почти завершившегося диахронического процесса втягивания „последлогов” в глагол, сопровождавшегося распространением средств маркировки Объекта на маркировку прочих неакторных аргументов глагола. В тех случаях, когда какое-либо местоимение употребляется равно и в объектной, и в притяжательной позициях, следов подобного расширения обнаружить нельзя.

Еще более интересные факты касаются употребления местоимения 3-го лица в объектной и „последложной” позициях. Показатели 3-го лица в этих позициях имеют разные варианты в зависимости от того, каково лицо Актора. Эти варианты сведены в следующей таблице.

Лицо Актора	не-3-е	3-е
3-е лицо объектного местоимения	á-	yi-/bi-
3-е лицо „последложного” местоимения	bi-	yi-/bi-

На первый взгляд „последложное” местоимение 3-го лица совершенно тождественно по форме притяжательному местоимению, которое всегда имеет вид <bi->. Однако оказывается, что при 3-м лице Актора „последложное” местоимение 3-го лица часто выступает в виде варианта <yi->, подобно объектному местоимению. Распределение

вариантов <yi-> и <bi-> объектного местоимения при 3-м лице Актора весьма сложно и связано с соотношением между Актором и Объектом по топикальности и по особой иерархии активности, обнаруженной в навахо К. Хейлом (см. [19]). Для наших целей достаточно следующих сведений: вариант <yi> является основным и немаркированным вариантом объектного показателя 3-го лица (при 3-м лице Актора) и употребляется в тех случаях, когда Актор совпадает в предложении с топиком (то есть акторная ИГ, если она выражена эксплицитно, занимает первую синтаксическую позицию). Показатель <bi-> как антипод <yi-> в данном типе употреблений является маркированным и появляется, когда топиком становится Объект. Особенность данного типа употреблений <bi-> – неспособность кодировать неодушевленный Объект (к другим употреблением <bi-> это не относится). Приведем примеры:

- (21) а. (= 3) *ma'ii gah yishxash*
 'койот; кролик; его;он;укусил'
 'Койот укусил кролика'
 б. *gah ma'ii bishxash*
 'кролик; койот; его;он;укусил'
 'Кролика укусил койот'

Хотя проблеме распределения вариантов <yi-> и <bi-> было посвящено немало работ (обзор см. в [19]), практически не отмечался тот факт, что тем же правилам подчиняется и употребление местоимения 3-го лица в составе „последлогов” (при Акторе 3-го лица), например:

- (22) *ma'ii gah yich'i'-dahdiilghod*
 'койот; кролик; к:нему;он;побежал'
 'Койот побегал к кролику'
 (23=13) *'ashkii cé'édó'ii baa-nát'í*
 'мальчик; мухи; ему;они;надоедали'
 'Мальчику надоедали мухи'
 (24) а. *tsé t'iis yik'i-ch'ínímdáz*
 'камень; дерево; на:него;он;накатился'
 'Камень накатился на дерево'
 б. **t'iis tsé bik'i-ch'ínímdáz*
 'дерево; камень; на:него;он;накатился'

Значит, вариант местоимения 3-го лица, характерный для объектного употребления, распространился на „последложное” употребление и, более того, на последний тип употреблений распространилось противопоставление вариантов <yi-> и <bi->, причем это <bi-> качественно отлочно от <bi->, употребляемого в посессивных именах, ср. пример (24б). Таким образом, местоимения 3-го лица, маркирующие Объект и прочие неакторные аргументы (в составе „последлогов”) ведут себя одинаково.

Материал в 3.4. демонстрирует существенную общность в оформлении аргументов глагола вне зависимости от того, соответствуют они гиперроли Объекта или соединяются с глаголом с помощью „послелогов”.

3.5. *Падежные показатели в глаголе.* Как уже отмечалось выше, традиционная точка зрения на маркировку аргументов в глаголе состоит в том, что глагол содержит местоимения „подлежащего” и „прямого дополнения” (а в нашей терминологии – Актора и Объекта), вставленные соответственно в морфологические позиции № 2/5 и № 6. При рассмотрении местоименных показателей, занимающих те или иные позиции, возникает вопрос: являются ли они маркерами согласования или управления. Подобно обычным согласовательным средствам, они фиксируют в глаголе некоторые характеристики (лицо-число) актантов. В то же время, подобно обычным средствам маркировки управления, они обозначают роли актантов. Представляется, что морфологические позиции № 2/5 и № 6 являются в навахо полными аналогами именительного и винительного падежей, то есть являются маркерами управления, а сами местоименные элементы, вставленные в эти позиции и кореферентные актантам, до некоторой степени аналогичны согласовательным показателям (об этом см. также в подразделе 5). Таким образом, маркеры управления и кореферентности разделены и независимы, хотя и структурно сопряжены друг с другом и находятся во взаимно-однозначном соответствии.

Как же маркируются в навахо роли прочих аргументов глагола, не входящих в Ядро (т.е. не являющихся ни Актором, ни Объектом)? Именно для этой цели и служат так называемые „послелогии”. Функция их в точности аналогична функции морфологических позиций Актора и Объекта: они, во-первых, задают позицию для вставления местоимения и, во-вторых, маркируют его семантическую роль⁴. С формальной точки зрения (фонетически и морфологически) „послелогии” также входят в состав глагола, как было показано в предшествующих пунктах данного подраздела. Рассматриваемые единицы, в отличие от предлогов и послелогов, синтаксически не управляют глаголом и не управляют именными группами, а маркируют в глаголе непосредственную управляющую связь между глаголом и ИГ.

Итак, „послелогии” – это показатели ролей неядерных актантов и сирконстантов, так сказать, косвенные падежи. Таким образом, это не самостоятельные слова, а префиксы глагола, т.е. грамматические единицы. В дальнейшем вместо термина „послелог” будет использоваться термин „показатель (косвенного) падежа”, или просто „падеж”. Нужно иметь в виду, что это употребление термина „падеж” не является

традиционным. Наряду с собственно падежами (морфологически выраженными в имени), предлогами, послелогом и порядком слов, в языках мира имеется еще один способ маркировки ролевых отношений, с которым – в необычайно последовательной форме – мы и сталкиваемся в навахо. Поскольку этот способ маркировки ролей не имеет стандартного названия, приходится распространить на него термин „падеж”. Существенно, что падежи навахского типа – глагольная, а не именная грамматическая категория.

В словаре [12] выделяется 64 „послелога”, из которых примерно 2/3 имеет локативные (включая лативные) значения, и 1/3 – абстрактные. По-видимому, несмотря на большое количество этих единиц, это именно падежи, а не непосредственные маркеры семантических ролей, то есть взаимно однозначного соответствия между ролями и этими маркерами нет. Этот вопрос, впрочем, требует еще детального изучения.

4. Рудиментарные употребления падежных показателей.

Несмотря на неадекватность „послеложной” трактовки косвенно-падежных показателей в навахо, эта трактовка, восходящая к Э. Сепиру, не полностью абсурдна и не является простым недоразумением. Источником ее возникновения является факт исторического происхождения навахских косвенных падежей из послелогов, а также некоторые сохранившиеся в современном языке употребления, репрезентирующие архаическую послеложную модель. В этой связи необходимо упомянуть о трех классах примеров, которые могли бы быть использованы как контрпримеры к выдвинутому в подразделе 3 аргументам в пользу именно такого категориального статуса обсуждаемого класса языковых единиц.

Первый класс примеров связан с фонетическим и морфологическим статусом падежных показателей как префиксов или проклитик глагола. В навахо есть небольшая группа суффиксальных морфем, так называемых энклитик, которые являются средством оформления некоторых локативных сирконстантов глагола и присоединяются непосредственно к именным группам⁵. В качестве примера возьмем энклитику <ji> 'к', 'до'. Слово *hooghan-ji* означает 'до дома', 'к дому'. В то же время локативные энклитики могут присоединяться к локативным падежным показателям, совместно с ними формируя новые локативные значения; например:

(25)	<i>tó</i>	<i>'adee'</i>	<i>bighi'-ji'</i>	<i>yaaziid</i>
	'вода;	тыквенная	внутри:нее;-к	ее;:я:налил'
		бутыл;		
		'Я налил воду в тыквенную бутыл'		

Энклитики в навахо маркируют конец слова, поэтому сомнительно, чтобы данную энклитическую группу можно было трактовать как часть глагольной словоформы. Такого рода случаи являются осколками той модели употребления падежных показателей, при которой они были (с именем-контролером или без него) полноценными ИГ. С семантической и синтаксической точек зрения осложненные энклитиками падежные показатели несут точно такую же функцию (то есть маркируют роль ИГ и управляющую связь между глаголом и ИГ), как и неосложненные.

Второй класс примеров демонстрирует не только фонетический и морфологический, но и линейно-синтаксический отрыв падежных показателей от глагола. Отмечены случаи вынесения падежного показателя вместе с ИГ, с которой он семантически связан, в синтаксическую позицию справа от глагола:

- (26) *gah dahnaazhdilghod ma'iityéé bich'i'*
 'кролик; тоже:он; побегал койот; упомянутый к:нему;
 'Кролик тоже побегал к койоту'
 (27) *ndltah dibé bik'ah bee*
 'он; натирается овца ее:жир; им;
 'Он натирается овечьим жиром'

В таких предложениях наиболее серьезным нарушением синтаксических закономерностей является вынесение вправо самой ИГ, так как глагол в навахо должен занимать конечную позицию, и это правило выдерживается очень строго. Подобные употребления с неканоническим синтаксисом могут возникать в результате нестандартных коммуникативных условий, например, забывчивости говорящего, который вовремя не назвал ИГ и которому приходится с запозданием исправлять свою ошибку. Возможно, такие предложения могут возникать и не случайно. Не исключено, что в (27) при стандартном порядке слов нерелевантно употребленное *dibé* 'овца' могло бы быть неправильно проинтерпретировано как Актор. Представляется, что в рассматриваемых предложениях ИГ и ее падежный показатель выносятся о т д е л ь н о, а не как ИГ с послелогом. Если говорящий забыл упомянуть некоторый неядерный аргумент и называет его с опозданием, ему волей-неволей приходится маркировать роль этого аргумента, то есть эксплицитировать падежный показатель. Есть примеры, когда и забытая акторная ИГ выносится вправо, естественно, без всякого падежного показателя. Отличие таких случаев состоит лишь в том, что о заполнении морфологической позиции Актора в глаголе говорящий забыть не мог, так как данное средство маркировки роли уже полностью и „бесповоротно“ втянуто в глагол и неотъемлемо от него, так что роль этого аргумента заведомо

маркирована. Безусловно, падежный показатель, даже когда л и н е й н о е отношение предшествования глаголу нарушено, выполняет в точности те же семантические и синтаксические функции. Тот факт, что падежные показатели все же можно отрывать от глагола, говорит о том, что они еще не грамматикализировались окончательно.

Третий класс примеров связан с употреблением местоимений 3-го лица <yi> и <bi>. Отмечены примеры, в которых правила употребления, действующие для <bi> объектного, для припадежного <bi> не выполняются, то есть в составе падежных показателей используются местоимения, функционально сходные с притяжательным <bi>. Так, <bi> при падежном показателе может маркировать неодушевленный аргумент, более того, может быть кореферентно соседнему с ним не-акторному аргументу:

- (28) *teezh xáájisll tó bit'adaxaaz'éél*
 'почва; где-то:возможно вода; с:ней; она; уплывала'
 'Почву, возможно, размывала вода'
 (29) *gah t'óót bee-dahidéeh'áá*
 'кролик; веревка; на:ней; наверху:он; повис'
 'Кролик повис на веревке'

Это примеры рудиментарного употребления падежных показателей, где они ведут себя по архаичной послеложной модели: если такому падежному показателю в тексте предшествует ИГ, с которой он семантически связан, эта ИГ рассматривается как контролер припадежного местоимения; в качестве последнего тогда автоматически выбирается <bi> притяжательного типа. Сравнение этих употреблений притяжательного типа с приведенными ранее примерами (22)–(24) доказывает, что для припадежных местоимений 3-го лица объектный тип распределения вариантов <yi> и <bi> является инновацией, так как он еще не закрепился окончательно. Следовательно, верно, что доминирующее сейчас префиксальное употребление падежных показателей пришло на смену лексически автономному послеложному употреблению.

Следует подчеркнуть, что все приведенные „контрпримеры“ являются в навахо маргинальными, представляют непродуктивные модели употребления и ни в каком отношении не доминируют. Они не ставят под вопрос предлагаемую трактовку падежных показателей в современном навахо, напротив, подтверждают выдвинутую гипотезу о направлении исторического развития. Эти рудиментарные употребления очень важны, так как, с одной стороны, свидетельствуют, что падежные маркеры употреблялись когда-то иначе, чем сейчас, а с другой – демонстрируют угасание послеложного типа употребления.

5. Причины и последствия.

Итак, „последлоги“ в навахо получили в современном языке статус грамматического средства маркировки ролевых отношений. Наряду с морфологическими позициями Актора и Объекта, они маркируют роли аргументов в составе глагольной словоформы, в которую практически уже втянулись морфологически и фонетически. Специфика данного способа маркировки ролей – основного в навахо – состоит в том, что сами ИГ не несут и к а к о й информации о своих ролях; в с я эта информация фиксируется только в глаголе. Этот способ маркировки (в терминах Дж. Никольс [14] определяемый как маркировка вершинного элемента – head marking) типологически не так уж редок, но очень редко проводится с такой последовательностью, как в навахо. Глагольная маркировка ролей имеет место, в частности, в ирокезских, сиу, майя [13], алгонкинских [20], банту [6], абхазо-адыгских [7] языках, в ряде австралийских, папуасских и других языков; подробнее см. [13, 14].

Представляется, что процесс превращения бывших послелогов в падежи, еще не приведший к полной и абсолютной грамматикализации падежных показателей, позволяет не просто ограничиться констатацией факта, а выдвинуть весьма правдоподобные гипотезы о тех рычагах этого развития, которые коренятся где-то среди механизмов функционирования языковой системы. По-видимому, причиной или по крайней мере стимулом переинтерпретации абстрактных и локативных посесивных имен или послелогов в качестве падежей послужило взаимодействие двух факторов, двух базовых особенностей атабаскских языков.

Первым из этих факторов является полисинтезизм глагольной словоформы. Наиболее важен для нас один аспект полисинтезизма – наличие падежных позиций Актора и Объекта, в которые вставляются местоименные маркеры соответствующих аргументов. Дело в том, что бинарное членение бывших послелогов на корень и местоимение в точности аналогично противопоставлению самой позиции и ее местоименного заполнителя. В обоих случаях маркируется, во-первых, роль, а во-вторых – местоименный показатель аргумента. Таким образом, несмотря на несущественные формальные различия, при втягивании такого местоименно-падежного показателя возникает чрезвычайно последовательная и стройная система маркировки ролей аргументов в глаголе. При этом различаются именительный, винительный и многочисленные прочие (косвенные) падежи.

Такому процессу структурного уподобления маркировки аргументов и их ролей препятствует во многих языках синтаксическое выделение некоторых групп ролей, создающих основу для

формирования синтаксических отношений подлежащего и прямого дополнения. В навахо, как говорилось в подразделе 1.2, подобного выделения не происходит, и язык этот во всех синтаксических процессах демонстрирует полную нейтральность к ролям аргумента. Таким образом, в плане иерархии семантических ролей нет никаких ограничений на аналогическое выравнивание средств маркировки ролевых отношений. Наоборот, в синтаксически нейтральном языке оно естественно и закономерно.

Так взаимодействие двух важнейших структурных черт языка стимулирует изменение категориального членения лексики, исчезновение одной из частей речи и превращение ее из класса слов в класс грамматических единиц.

Каковы же последствия этого процесса для языковой системы? Средства формальной маркировки ролевых отношений между аргументами и предикатом составляют одну из самых важных характеристик языка. Поэтому последствия установления адекватной трактовки этих средств весьма многочисленны и разнообразны. Назовем те два сущностных (а также интерпретационных) последствия, которые представляются наиболее значимыми.

В результате прогрессирующего процесса переинтерпретации послелогов была затронута другая часть речи – глагол. Увеличился объем глагольной словоформы, возросла степень полисинтезизма. Тенденция к росту полисинтезизма является самой существенной в истории атабаскских языков. Структура глагольной словоформы является окаменевшим слепком исторического процесса втягивания в глагол все новых и новых лексем в качестве морфем разрастающегося полисинтетического комплекса. Чем ближе префикс к корню, тем раньше он был включен в глагольную словоформу. Сначала акторные местоимения 1-го и 2-го лица, затем показатели вида и наклонения, ряд фазисных и прочих совершаемых элементов, акторные местоимения 3-го и 4-го лица, объектные местоимения, показатель множественного числа актанта, многочисленные локативные и прочие „адвербиальные“ элементы (которых насчитываются десятки, а в одной словоформе может быть представлено три и более) – таков примерный порядок префиксов навахского глагола, отражающий исторический порядок втягивания лексических единиц в глагол. После „адвербиальных“ элементов стали втягиваться и терять лексическую самостоятельность показатели ролей – бывшие послелогии; еще более свежей „добычей“ полисинтетического комплекса являются, например, отрицательная препозитивная частица и некоторые эмфатические частицы [см. пример (176)]. Явно прогрессирующая тенденция окончательного включения падежных показателей в глагол и

элиминации всех рудиментарных лексически самостоятельных употреблений свидетельствует о сохранении в современном навахо стремления к возрастающему полисинтетизму.

Формирование стройной системы маркировки ролевых отношений в глаголе имеет еще одно важное следствие, связанное со статусом глагольных местоименных элементов. Эти элементы напоминают согласованные маркеры в глаголах языков, располагающих такой формально-грамматической моделью, как согласование. Есть ряд факторов, заставляющих полностью отказаться от согласовательной трактовки местоименных элементов в навахском глаголе (привести здесь все аргументы нет возможности, ср. [13]), но одна из исходных точек для формирования адекватной интерпретации местоимений как постоянно анафорических, а не согласовательных элементов – это абсолютная аналогия статусов местоимений в акторной и объектной позициях и перед падежным показателем. Согласование характерно для языков, выделяющих одну или более синтаксическую сущность (подлежащее и т.д.), которая является контролером согласовательных морфем в глаголе. В навахо, где аналогия в маркировке всех аргументов доведена до предела, употребление в составе глагола местоимений, выполняющих референцию к аргументам этого глагола, согласовательной интерпретации не подлежит.

В заключение хочется отметить, что проблема падежных показателей в навахо любопытна с точки зрения типологии средств маркирования ролевых отношений, но особый интерес она представляет в том отношении, что переход такого класса слов, как послелоги, в префиксы глагола в современном языке еще не окончательно завершен. Существование архаических послеложных употреблений падежных показателей позволяет нам как бы присутствовать при совершении диахронического процесса перераспределения структуры частей речи⁶.

Примечания

¹ Кроме местоименных элементов в глаголе, вторым по важности средством маркировки ролей является порядок именных групп (ИГ) в предложении, но в рамках данного обсуждения проблематику порядка слов можно игнорировать; (см., однако, 3.4).

² Глубина морфологического разложения навахских словоформ диктуется целями каждого конкретного примера. Если две соседние морфемы данной словоформы необходимо разделить, между ними, а также между соответствующими элементами подстрочного перевода ставится дефис. Если такое разделение не производится, элементы подстрочного перевода соединяются двоеточием.

³ Однако, пока не выработана более адекватная терминология (см. пункт 3.5), нам придется пользоваться этим термином.

⁴ В связи с отчасти синкретическим характером маркировки ролей аргументов и самих аргументов с помощью местоимений в составе глагола ср. интересную

гипотезу В.В. Гуревича, согласно которой семантические валентности глагола функционируют в тексте как анафорические отсылки к ИГ, заполняющим эти валентности. Возможно, в полисинтетическом языке такая модель находит более прямой выход на поверхность, чем в языке типа русского [1, с. 30–31].

⁵ Если в навахо и есть класс морфем, заслуживающих названия „послелоги“, то это именно локативные энклитики.

⁶ Когда данная монография уже находилась в печати, автору настоящей статьи стала доступна книга Янга и Моргана [22], в которой очевиден определенный отход от традиционной точки зрения на „послелоги“, причем именно в направлении, предлагаемом здесь; в частности, выделяется класс „послелогов“, выступающих исключительно в качестве глагольных префиксов [22, с. 27].

Литература

1. Гуревич В.В. О текстовом дейксисе. – Грамматические категории в тексте. М., 1985.
2. Лайонс Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
3. Успенский Б.А. Структурная типология языков. М., 1965.
4. Филлмор Ч. Дело о падеже. – Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1981.
5. Foley W.A., Van Valin R.D., Jr. Functional Syntax and Universal Grammar. Cambridge, 1984.
6. Givón T. Topic, Pronoun and Grammatical Agreement. – Subject and Topic. Ed. by C.N. Li. N.Y., 1976.
7. Hewitt B.G. Abkhaz. Lingua Descriptive Series 2. Amsterdam, 1979.
8. Hoijer H. The Apachean Verb I: Verb Structure and Pronominal Prefixes. – IJAL. 1945, vol. 11, № 4.
9. Hoijer H. Semantic Patterns of the Navaho Language. – Sprache – Schlüssel zur Welt. Hrg. von H. Gipper. Düsseldorf, 1959.
10. Hoijer H. A Problem in Navaho Syntax. – Proceedings of the 9th International Congress of Linguists. The Hague, 1964.
11. Hoijer H. Navaho. – Lingua. 1966, vol. 17, № 1/2.
12. Hoijer H. A Navajo Lexicon. (UCPL, vol. 78). Berkeley, 1974.
13. Mithun M. When Zero isn't There. – BLS. 1986, vol. 12.
14. Nichols J. Head-Marking and Dependent-Marking Grammar. – Language. 1986, vol. 62, № 1.
15. Platero P. Missing Noun Phrases and Grammatical Relations in Navajo. – IJAL, 1982, vol. 48, № 3.
16. Reichard G.A. Navaho Grammar. Publications of the American Ethnological Society. New York, 1951.
17. Sapir E., Hoijer H. Navaho Texts. Iowa City, 1942.
18. Sapir E., Hoijer H. The Phonology and Morphology of the Navaho Language. (UCPL, vol. 50). Berkeley, 1967.
19. Shayne J. Some Semantic Aspects of YI- and BI- in San Carlos Apache. – Syntax and Semantics. Vol. 15, 1982.
20. Wolfart C. Plains Cree: A Grammatical Study. – Transactions of the American Philosophical Society. 1973, vol. 63, № 5.
21. Young R.W., Morgan W. The Navaho Language. Salt Lake City, 1943.
22. Young R.W., Morgan W. The Navajo Language: A Grammar and Colloquial Dictionary. Albuquerque, 1987.